

История как философская проблема

Тезисы

Вопрос, который меня всегда интересовал, состоит в том, есть ли в науке проблемы, которые не могут быть решены без прямого участия философов. Не берусь судить о науках естественных и социальных, с которыми преимущественно имеют дело наши философы науки, но в исторических науках такая проблема налицо: ни один ученый-историк не может ответить на вопрос, что, собственно, следует понимать под историей. Без философии здесь никак не обойтись.

Первое, о чем надо сказать в связи с философским пониманием истории – это о том, что Мишель Фуко назвал «порядком времени», сменившим собой «порядок тождеств и различий». С внедрением этого порядка в теоретический дискурс XIX в. начинается «век Истории». «Для мысли XVIII века временные последовательности были лишь внешним признаком, лишь нечетким проявлением порядка вещей. Начиная с XIX века, они выражают – с большей или меньшей прямоотой, вплоть до разрывов, – собственный глубоко исторический способ бытия вещей и людей»¹. Время в качестве «способа бытия вещей и людей» – исходный пункт в понимании исторического.

Не все, что существует во времени, является, конечно, историей. Время, с которым имеют дело астрономы, физики, биологи – не историческое. История – это способ бытия такого сущего, которое сознает свою временность, конечность, пытается как-то ослабить или преодолеть ее путем выхода (экзистирования) за ее пределы назад или вперед, т.е. в прошлое или будущее. Так возникает историческое время. К уяснению связи между этими основными временными модусами исторического бытия – прошлым, настоящим и будущим – собственно, и сводится философское постижение истории. Простое описание событий в их фактической данности и хронологической последовательности не является еще историей в точном смысле этого слова. Если в классических версиях философии истории (от Вольтера до Гегеля) прошлое, настоящее и будущее связаны между собой непрерывной и восходящей линией развития, называемой прогрессом, то в более поздних версиях между ними не усматривается никакой причинно-следственной связи. Идея прогресса, по мысли Вальтера Беньямина, высказанной им в знаменитом эссе «О понятии исторического», антиисторична по своей сути, является идеей класса-победителя, пытающегося изобразить свою победу как закономерный итог всей предшествующей истории. Реальная же история предстает не как развитие чего-то изначально данного, в котором одно плавно перетекает в другое, а как предельное и никогда не ослабевающее напряжение человеческой воли, стремящейся вырваться за пределы наличной действительности, перейти черту, отделяющую существующее от еще несуществующего.

История – не столько прогресс, сколько постоянно происходящая революция («перманентная революция») с непредсказуемым результатом. Знание прошлого не дает понимания настоящего и будущего, что свидетельствует об отсутствии здесь каких-либо общих законов (наподобие природных), позволяющих предугадывать ход событий с той же точностью, с какой, мы предвидим, например, смену времен года. Но как тогда возможна связь исторических времен? В этом пункте и намечается переход от эмпирического постижения истории к ее философскому рассмотрению, превращение истории в предмет интереса не только историков, но и философов.

В своих лекциях по философии истории Гегель подразделил всю известную ему историографию на первоначальную, рефлексивную и философскую. К первой он отнес древнегреческих историков (Геродот, Фукидид и др.) с их простым пересказом происшедших в прошлом событий, состояний и деяний, не очень отличавшимся от

¹ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М. 1977. С. 362. а

созданных поэтическим воображением мифов и легенд. К рефлексивной истории он отнес возникшие в Новое время систематическую, прагматическую и критическую истории, ставящие своей целью изложение всеобщей, или всемирной, истории, установление ее значения для ныне живущих людей, критическую оценку исторических свидетельств. Всем им противостоит философская история, или философия истории, названная Гегелем «мыслящим рассмотрением истории»². Мыслят, конечно, и историки, но они мыслят не так, как мыслят философы. История для историка – это то, что уже состоялось и зафиксировано в дошедших до нас исторических памятниках и документах. Историческая наука «тем ближе к истине, чем более она придерживается данного». Задача же философии истории «как будто противоречит этому стремлению»³, поскольку выходит за пределы доступного историкам опыта. Претензия на сверхопытное знание об истории вызывает со стороны историков бесконечные нападки на философию истории, которые Гегель даже не считал нужным специально опровергать.

История для историка – все, что существует до нас и без нас, что предстает как находящаяся вне нас реальность, т.е. как только *объект* познания. В таком качестве она есть *прошлое*. Для философа история – прежде всего то, что происходит с нами сейчас, при нашем участии, т.е. *настоящее* (или современное). Без настоящего нет никакого прошлого, настоящее содержит в себе ключ к объяснению прошлого («анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны»). С различения настоящего и прошлого, собственно, и начинается историческая наука. Но на вопрос о том, что считать настоящим, ответ знает только философия. Эмпирической границей между прошлым и настоящим может служить любой момент времени, отделяющий «сегодня» от «вчера», но обнаружить между ними историческую границу нельзя ни в каком времени. Чего-то здесь явно не хватает. Чего именно?

Как бы ни отличалось настоящее от прошлого, человек существует в обоих мирах в одном и том же физическом времени, остается смертным, конечным существом, подобным всем другим живым организмам. Существенно, однако, то, что люди осознают свою смертность, конечность. Животные, живя жизнью своего вида, видимо, не знают о собственной смерти: для них выживание биологического вида как бы лишает значения факт смерти отдельной особи. Человек же с самого начала истории осознает себя смертным существом. Отсюда его желание растянуть время своей жизни, продлить ее, выскочить за ее пределы в какое-то иное пространство, над которым время уже не властно. История – не просто временной поток, обращающий все в прошлое (в таком качестве она ничем не отличалась бы от природного процесса), но постоянное усилие людей вырваться из «плена времени», освободиться от его власти, прорваться туда, где царит «вечность» и «бессмертие». В этом смысле она есть история борьбы человека со временем с целью воздвигнуть на его пути разного рода плотины и преграды в виде сменяющих друг друга социальных систем. Ведь любое общество как бы пытается остановить время на себе, обратить его в вечность, является в этом смысле пожирателем времени. И нужны огромные усилия, часто вплоть до революционных, чтобы прорваться из одного общества в другое. Специфические для каждой социальной системы способы соотнесения времени с вечностью и делят историю на прошлое, настоящее и будущее. Необходимость при объяснении данных систем обращаться к такой не верифицируемой категории, как вечность, и делает историю предметом не только научного познания, но и философской рефлексии.

В мифологическом времени вечность, символизированная тотемом или племенным божеством, находится в истоке всего происходящего, в самом начале всех времен, чему простые смертные поклоняются, но с чем прямо себя не отождествляют. Время их жизни целиком во власти богов, добрых или злых духов, не знающих смерти. Люди и умирают

² См.: Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб. 1993. С. 63.

³ Там же. С. 63–64.

не по причине собственной смерти, а по воле богов («Бог дал, Бог и взял»). Единственный способ оттянуть свой конец – это умиловить богов, вступить с ними в союз посредством разного рода обрядовых и ритуальных действий. Наличие богов, не знающих смерти – это то главное, что в их сознании отличает их от животных.

В мировых религиях, сменивших мифологических богов, время предстает в виде неотвратимой судьбы, перед властью которой не могут устоять ни вещи, ни люди. Оно несет с собой не только исчезновение и забвение, но и постоянное воспроизведение одного и того же. Поскольку назад пути нет, а впереди лишь повторение пройденного, индивиду в плане личного спасения от смерти и забвения не остается ничего другого, как путь на небо, в потустороннее царство вечной жизни. Вертикаль, ведущая на небо – единственная возможность прорваться в вечность. С возникновением греческого полиса человек обретает такую возможность и посредством чисто мысленного созерцания сверхчувственных и вневременных материальных или идеальных субстанций, что, собственно, и породило философию.

Открытие «трансцендентного» (потустороннего) мира Ясперс назвал «осевым временем» истории. Приобщаясь к нему, народы входят в историю, становятся историческими народами. Первыми были китайцы, индийцы, иранцы, иудеи и греки. Восточных мудрецов, иудейских пророков и греческих философов объединяет то, что они почти одновременно (между 800 и 200 гг. до н. э.) открыли трансцендентный мир, увидели в нем единственное спасение человека от ужаса конечности и бренности его земного бытия. То, что в мифе было уделом лишь богов и духов, а именно вечность и бессмертие, в опыте религиозной веры и философского умозрения стало доступно и человеку, пусть ценой его особых усилий и медитаций. С этого, согласно Ясперсу, и начинается история (предшествующее время он называет доисторическим).

В мире, который мы относим к историческому прошлому, вечность как бы царит над временем. Возвышаясь над всем временным и конечным, она предстает в форме господства сакрального над профанным, субстанциального над темпоральным, откровения над опытным знанием. Способом ее трансляции являются традиции, регулирующие собой все проявления общественной и личной жизни. Само время воспринимается здесь как простое повторение одного и того же (движение по кругу), либо как все большее отпадение, отклонение от изначального порядка вещей. «Золотой век» здесь всегда позади. Для тех, кто не отличает настоящее от прошлого, мыслит его по аналогии с прошлым, нет и исторического времени, а, значит, нет и самой истории. В лучшем случае она предстает здесь в форме разного рода жизнеописаний, летописей и хроник, ведущих отсчет времени на основании простых дат или всем памятных событий.

Исторический рубеж между настоящим и прошлым возникает, видимо, в результате переноса центра тяжести в решении всех земных дел с вечного на временное в его бесконечной текучести, или, что то же самое, с сакрального на мирское. Сама вечность из потустороннего (трансцендентного) мира перемещается в посюсторонний мир – но не в тот, что позади (как в мифе), а в тот, что впереди, который еще только должен наступить. Спасение от власти быстро бегущего времени будут искать теперь не на небе, а на земле. Вертикаль, ведущая на небо, как бы опрокидывается вперед, превращается в горизонталь, связующую настоящее с *будущим*. На смену упованиям небесного царства приходит социальная утопия с ее устремленностью в грядущий мир – в мир «светлого будущего». Здесь впервые начинают просвечивать контуры современности, называемой иначе модерном.

В отличие от прошлого у настоящего есть будущее. У прошлого будущего нет. Понятно, что жившие до нас люди имели какое-то представление о будущем, но оно вместе с ними ушло в прошлое. От того, как мы понимаем будущее, зависит понимание нами настоящего и прошлого. В своем постижении истории философы двигаются как бы в обратном по сравнению с историками направлении — не от прошлого к будущему, а от будущего к прошлому. Для историков такое направление мысли неприемлемо, даже

антинаучно, для философов оно - единственно возможный способ постижения истории в ее единстве и целостности. Человек, не задумывающийся о будущем, в истории не живет.

Если прошлое существует для нас благодаря исторической памяти, на страже которой и стоят историки, то будущее дано нам в виде *цели*, которую мы ставим перед собой под давлением внутренней или внешней необходимости. Сама способность к целеполаганию свидетельствует о нашей причастности к истории. О наличии в мире целевой причины (*causa finalis*) знал уже Аристотель. Впоследствии действие по цели (в отличие от внешней детерминации) назовут свободным действием. С возникновением естествознания Нового времени, исключившего из природы всякие цели, их отнесут к сфере культуры, понимаемой как «царство свободы» в противоположность природному «царству необходимости». Соответственно человеческую историю с ее целевой детерминацией станут трактовать как *историю свободы*, отличая ее от *истории природы* с ее внешней детерминацией.

Только признав в истории наличие цели, можно говорить о будущем. Философия и видела свою задачу в том, чтобы сформулировать эту цель, представить ее в виде рационально сформулированной *идеи истории*. Отсюда названия большинства философских трудов на эту тему — от «Идеи к философии истории человечества» Гердера и «Идеи всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» Канта до «Идеи истории» Коллингвуда. Под идеей здесь понимается не то, что уже состоялось в истории, но что в качестве ее цели (или назначения, по терминологии Ясперса) придает ей единство и целостность. Вне своей идеи история распадается на никак не связанные между собой фрагменты и куски, называемые часто локальными цивилизациями. Но что позволяет философам судить о том, в чем состоит идея (цель, смысл, назначение) истории?

Со времен Канта известно, что идеи не имеют предмета в опыте, не могут быть получены опытным путем. Их нельзя подтвердить фактическими данными и эмпирическими свидетельствами. Они, согласно Канту, находятся в ведении не теоретического рассудка с его способностью к чувственному синтезу посредством категорий, а совершенно особой «способности суждения» на основании предполагаемой цели, т.е. телеологической способности. На чем же основана эта способность? Ведь никакой опыт не может подтвердить наличие какой-то цели в чувственном мире. Данная способность, согласно Канту, основана на природе самого разума, действующего в силу не внешней, а внутренней необходимости, т.е. в силу своей свободы с ее целевой детерминацией. Разум не знает никакой иной детерминации, помимо им самим полагаемой цели, и потому разумно понятая история не может быть ничем иным, как только движением человека к этой цели.

С позиции науки такое решение выглядит чистой утопией. Но именно оно сделало возможным понимание истории как реального процесса, происходящего в настоящем и имеющего продолжение в будущем. Никакая историческая наука не способна представить этот процесс в целом, т.е. в единстве его прошлого, настоящего и будущего, что и объясняет необходимость существования философии истории как особой философской дисциплины. Вместе с тем предпринятые после Канта попытки представить будущее в виде некоторого завершенного общественного состояния, в котором время окончательно остановилось, приведут в итоге к идее конца истории. Сам модерн, с этой точки зрения, предстает весьма противоречиво: с одной стороны, он устремлен в «светлое будущее», где нет никакой истории, с другой — именно с его наступлением впервые утверждается исторический взгляд на мир, в котором нет места ничему вечному и абсолютному. Главным признаком модерна как раз и является победа времени над вечностью. В модерне время окончательно вытеснит из сознания всякую отсылку к вечным сущностям и субстанциям в их религиозном и метафизическом истолковании. Все трансцендентное утрачивает свою силу. Но как совместить социальный утопизм с его верой в будущее преодолении всякой временности и ограниченности, и исторический релятивизм, который не допускает ничего окончательно сложившегося и вневременного? Ведь то и другое -

неотъемлемые признаки модерна. Вроде бы наиболее очевидным решением является отказ от всякой утопии, следовательно, от постулирования каких-либо вечных и абсолютных ценностей и значений. Но тогда это отказ от самой истории, понятой как движение к какой-то цели.

Вне связи с вечностью время в модерне обретает характер безличного времени социальных изменений с разной степенью длительности, которое исчисляется в тех же единицах, что и природное время, но только применительно к социальным явлениям и процессам. Это время жизни вещей, но не людей. Время же человеческой жизни, как и в язычестве, опять сводится к времени жизни человеческого тела. Сегодня, по словам З. Баумана, путь в вечность перекрыт для современного человека и ему остается сосредоточиться на своем телесном существовании, найти в нем смысл и ценность. Забота о теле становится его главной заботой. Наиболее значимым и более всего переживаемым событием человеческой жизни является смерть. Во всем видят теперь неизбежную печать смерти, признак надвигающегося конца, приближающейся гибели. Смерть - главная тема и художественного творчества. По словам Баумана, «самые известные художественные артефакты наших дней высмеивают бессмертие или обнаруживают к нему полное равнодушие... Исчезновение и умирание – вот что выставляют ныне в художественных музеях»⁴.

История уже открыта в модерне, но не стала еще человеческой историей в подлинном смысле этого слова. В модерне люди создают историю, но еще не живут в ней. Такую историю можно трактовать как историю вещей или идей - государства, капитала, науки, техники, искусства, чего угодно, но не как историю людей. Они здесь целиком во власти времени, которое принято называть *рабочим временем*. В обществе, базирующемся на рабочем времени, прошлое и будущее существуют для большинства людей более как предмет праздного любопытства, зрелища, развлечения, наконец, научного познания, но не как реальное пространство их собственной жизни, с которым они связаны по смыслу и цели своего собственного существования. Проще говоря, в границах рабочего времени цели, которые преследуют отдельные индивиды, никак не совпадают с целью, которая делает возможной историю. Отсюда и утрата ими сознания своей связи с историей, как бы выпадение из нее.

Отсюда необходимость перехода к постмодерну, понимаемому как общественное состояние, базирующееся на *свободном времени*. Свободное время – это время производства человеком себя во всем богатстве своих связей и отношений с другими людьми. Только в нем человек обретает возможность в границах физически конечной жизни соприкоснуться с вечностью. Вечность, выносимая до того за пределы времени – в его начало или конец - в свободном времени включена в само время, позволяя каждому, владеющему этим временем, вступать в общение со всеми другими людьми - предками, современниками и потомками. До сих пор такое время было привилегией немногих, но именно в нем заключено решение «загадки истории», понимаемой как единство времени и вечности, локальности и универсальности. Свободное время, следовательно, является той реальностью, которая стоит за всем, что философы называли идеей истории, в чем видели ее цель или назначение. Оно – не конец истории, а сама история, понятая как история производства человеком себя во всей целостности своего существования, преодолевающего разрыв между временем и вечностью. В этом смысле подлинная история людей, если ей суждено состояться, еще впереди, тогда как предшествующая история - только подготовка к ней, ее «предыстория». Философия истории, с этой точки зрения, и есть постижение истории с позиции человека, живущего в свободном времени.

⁴ Зигмунт Бауман. Индивидуализированное общество. С 314.